

Анохина Юлия Юрьевна,
старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН, г. Москва

ПОНЯТИЕ «ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ»
В СТАТЬЯХ ВЛ. СОЛОВЬЕВА О РУССКОЙ ЛИРИКЕ
THE CONCEPT OF "PESSIMISTIC POETRY"
IN VLADIMIR SOLOVIEV'S ARTICLES ABOUT RUSSIAN LYRICS

Аннотация. Анализируется содержание понятия «пессимистическая поэзия» в литературно-критических статьях философа Вл. Соловьева. Показано, что это понятие позволяет охарактеризовать определенный этап в истории русской лирики – период разочарования и отрицания бытия.

Abstract. The content of the concept of “pessimistic poetry” is analyzed in the literary critical articles of the philosopher Vladimir Solovyov. It is shown that this concept allows us to characterize a certain stage in the history of Russian poetry – a period of disappointment and denial of existence.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, литературная критика, эстетика, пессимистическая поэзия, концепция истории литературы.

Keywords: Vladimir Solovyov, literary criticism, aesthetics, pessimistic poetry, concept of literary history.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800).

The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800).

Корпус статей Вл. Соловьева о русских поэтах XIX в., как известно, включает в себя работы об А.С. Пушкине («Судьба Пушкина», 1897; «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», 1899; «Особое чествование Пушкина», 1899), М.Ю. Лермонтове («Лермонтов», 1899), Я. Полонском («Поэзия Я. П. Полонского», 1896), Ф.И. Тютчеве («Поэзия Ф.И. Тютчева», 1895), А. Толстом («Поэзия гр. А.К. Толстого», 1895), А. Голенищеве-Кутузове («Буддийское настроение в поэзии», 1894), А.А. Фете («Лирическая поэзия. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского»). И хотя эти статьи не были собраны самим философом в один труд, они объединены не только общей методологией, общей философской оптикой, но и тем, что были созданы в последний период творческого пути Соловьева. Характеризуя мироощущение философа в этот период жизни, А.Ф. Лосев заметил: «<...> некоторые черты разочарования, пессимизма и подавленности, <...>, безусловно, характерны для последних лет жизни Вл. Соловьева» [6, с. 137]. Современными учеными статьи Соловьева о поэтах рассматриваются в контексте его философско-эстетической программы [4; 5; 8; 15], в процессе исследования особенностей восприятия философом лирики отдельных поэтов [1; 3; 13], а также при определении метода его критики [2; 14]. И хотя литературно-критическое и эстетическое наследие Соловьева не обделено исследовательским вниманием, остаются и еще не отрефлексированные проблемы. К числу такого рода проблем относится и вопрос о специфике понятийного аппарата, задействованного

философом при изложении оценки творчества того или иного поэта. Так, данная статья нацелена на восполнение этой лакуны, в ней рассматривается частный вопрос о сущности понятия «пессимистическая поэзия» в статьях Соловьева о поэтах.

И хотя словосочетания «поэзия отрицательного направления» и «пессимистическая поэзия» философ в работах о русской лирике не использует, в его статьях фигурируют такие словосочетания как «поэт разочарования», «разочарованная поэзия» (в статье «Поэзия гр. А.К. Толстого»), «поэзия тихой грусти» (так философ назвал лирику А. Плещеева). Грусть и разочарование у философа ассоциируются с «отрицательным отношением к жизни» («Поэзия гр. А.К. Толстого»), а «отрицание бытия», по мысли философа, характерно для пессимизма как миропонимания. Недаром в статье «Пессимизм», подготовленной Соловьевым для 23 тома «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона», это понятие определено как «отрицательная оценка человеческой и всемирной жизни» [9, с. 425], что дает нам основание объединить перечисленные выше используемые философом номинации обобщающим понятием «пессимистическая поэзия» (а также использовать в качестве синонимичного словосочетание «поэзия отрицательного направления»). Сказанное дает возможность при анализе специфики восприятия «пессимистической поэзии» Соловьевым обращать внимание, прежде всего, на характер его оценки лирики, воплотившей, с одной стороны, разочарование или отчаяние как мироощущение того или иного поэта и, с другой стороны, отрицание бытия как миропонимание.

Первый и, по-видимому, наиболее очевидный из аспектов понятия «пессимистическая поэзия» в литературно-критических работах Соловьева связан с осмыслением им мотивов разочарования, печали или отчаяния в отдельных стихотворениях поэтов, творчество которых в целом не пессимистично, а напротив, утверждает бытие как таковое и красоту как одно из онтологических оснований. Такие мотивы Соловьев замечает даже в творчестве А.С. Пушкина, поэзия которого в целом, по мысли философа, «прямо дает нам совершенные образцы красоты» [12, с. 484] и является главным примером «чистой поэзии». Однако и «чистый гений» Пушкина, как заметил Соловьев, не избежал скептицизма и пессимистичности: «В одном стихотворении он высказывает скептическую мысль, что жизнь есть “дар напрасный, дар случайный”, неведомо кем и зачем данный человеку» [12, с. 486]. Вместе с тем, Соловьев особое внимание уделил широко известному эпизоду – поэтической полемике, развернувшейся между Пушкиным и митрополитом Филаретом. Для философа важно то, что, отвечая митрополиту, поэт отрекся от сомнений: «<...> но когда известный архипастырь основательно опроверг эту мысль – тоже в стихах, – Пушкин спешит с раскаянием от нее отказаться и сочиняет другое стихотворение, где признает первое только за “изнеженные звуки безумства, лени и страстей”» [12, с. 486]. Пессимистические мотивы, прозвучавшие в отдельных стихотворениях Пушкина, не были свойственны его лирике в целом, и, отмечая их наличие, Соловьев стремился подчеркнуть многогранность проблемно-тематического диапазона творчества Пушкина и широту его поэтического гения, способного не только к безусловному оправданию бытия, но порой и к его отрицанию. Пушкина Соловьев относил к числу поэтов «органических», т.е. таких, которые, с точки зрения философа, не выражали в своих произведениях сомнений в безусловной ценности красоты, а магистральным пафосом его поэзии философ считал христианский: «У Пушкина тон бодрый, радостный и уверенный; при самых языческих, мирских и даже греховных сюжетах настроение его все-таки христианское, – это поэзия жизни и воскресения» [12, с. 426].

Еще одна перспектива понимания Соловьевым специфики «поэзии отрицательного направления» сопряжена с определенным типом мироощущения, воплотившемся в лирике – мироощущения, формирующего как пессимистическое отношение поэта к жизни в целом, так и скептицизм в понимании смысла красоты и поэзии как ее эманации. В статье «Поэзия

гр. А.К. Толстого» к числу поэтов, склонных к отрицанию бытия на уровне мироощущения Соловьев относил Е.А. Боратынского и М.Ю. Лермонтова: «Критическое, отрицательное отношение к собственной жизни и к окружающей среде – отношение более или менее справедливое при данных условиях личных и общественных – обманчиво возводится здесь на степень безусловного принципа и становится господствующим настроением самой поэзии» [12, с. 487]. Обоих поэтов Соловьев не считал «мыслителями», критиковал за субъективизм: назвал их «резонерами на почве субъективных впечатлений» [12, с. 488]. При этом если разочарование, присущее лирике Лермонтова, философ считал основанным исключительно на психологических переживаниях поэта, то пессимистической поэзии Боратынского, по мысли Соловьева, свойственны философские начала: «разочарование имеет хотя некоторую видимость объективных оснований» [12, с. 488]. Сущность художественной философии разочарования Боратынского Соловьев связывал со спецификой восприятия поэтом распространенных в XIX в. «материалистических убеждений». По мысли философа, поэт не сумел преодолеть противоречие между получавшими все большее распространение «позитивистскими» тенденциями и религиозным миропониманием и, как считал Соловьев, Боратынский отказался от второго как иллюзорного: «Подобно большинству образованных людей нашего века, Баратынский принял материалистические обобщения некоторых научных данных за непреложную истину и, видя противоречие этой “истины” с поэтическим и религиозным воззрением на мир и жизнь, решил, что это воззрение есть иллюзия» [12, с. 488]. И хотя Боратынского по сравнению с Лермонтовым философ считал «умом более развитыми и зрелым» [12, с. 488], к размышлениям о поэзии первого Соловьев после статьи «Поэзия гр. А.К. Толстого» не возвращался (в дошедших до нас публичных лекциях или статьях). Тогда как Лермонтову философ посвятил специальную лекцию, которая легла в основу знаменитой статьи, опубликованной уже посмертно в 1901 г.. В этой провокационной статье Соловьев показал, что разочарованности в поэзии Лермонтова был свойственен программный характер: увлечение поэта «демонизмом», согласно философу, приобрело систематичность, в результате чего поэт поддался соблазну облекать ложные идеи «в красоту», и потому не смог полноценно реализовать свой талант истинного поэта.

Наконец, третья перспектива в осмыслении Соловьевым «пессимистической поэзии» сопряжена не столько с мироощущением, сколько с его представлением о воплощении в лирике пессимистического миропонимания. Такому миропониманию, по мысли философа, свойственно отрицание бытия, «стремление к смерти как торжеству над жизнью» [13, с. 389]. И хотя пессимисты, по Соловьеву, встречались и среди античных философов (см. его статью о Гегезии Киринейском), но пессимистическое миропонимание философ связывал, прежде всего, с восточной философией. Для Соловьева слова «буддизм» и «пессимизм» были почти синонимами. О связи буддизма и пессимизма Соловьев писал в упомянутой выше словарной статье «Пессимизм»: «Полную формулу безусловного П.<пессимизма> мы находим в основном буддийском учении о “4 благородных истинах”: 1) существование есть мучение, 2) причина его есть бессмысленное хотение, не имеющее ни основания, ни цели, 3) избавление от мучительного существования возможно через уничтожение всякого хотения, 4) путь такого избавления ведет через познание связи явлений и соблюдение совершенных нравственных заповедей, данных Буддой, а конец его есть Нирвана, полное “погашение” бытия» [9, с. 426]. В лекциях Соловьева по истории философии содержится сходная идея: «Священные книги буддистов полны отрицания жизни и всего сущего. В жизни для буддиста всё бедствия, пустота, лишения» [10, с. 88]. Современные исследователи отмечают, что представление о философских основаниях буддизма у Соловьева было не вполне объективным. Как показывает В.Г. Лысенко это представление сложилось из трудов

«крупных буддологов и индологов того времени — Э. Бюрнуфа, Б. Сент-Илера, Ф. Макс Мюллера, Т. Кольбука» [7, с. 49]. Именно вслед за этими учеными, по предположению Лысенко, Соловьев воспринял буддизм как нигилистическое учение, отрицающее как жизнь в целом, так и свободное начало личности. Эти черты – отрицание бытия, сосредоточенность на негативных аспектах окружающей действительности – Соловьев находит и в русской поэзии, в частности в лирике А. Голенищева-Кутузова. И хотя философ не считал самого поэта сознательным исповедником буддизма, но его произведения, по мысли Соловьева, выразили «буддийское настроение». Это принципиально отличает Соловьева от Н.Н. Страхова, считавшего Голенищева-Кутузова последователем и подражателем Пушкина: «Гр. Кутузов подражает Пушкину в стихосложении, в языке, во вкусе, простоте, – но он старается подражать ему также в правдивости, и следовательно перестает быть каким бы то ни было подражателем, как только вопрос касается самого существа его поэзии». Развернутая рецензия Соловьева на «Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова» (СПб., 1894) получила название «Буддийское настроение в поэзии» (1894). По мнению Н.И. Цимбаева, подготовившего комментарий к этой статье Соловьева, слову «буддизм» в контексте размышлений о поэзии Голенищева-Кутузова присущ иронический характер: «Употребляя слово “буддизм” и придавая ему несколько сниженно-ироническое звучание, Соловьев имеет в виду лишь один из аспектов буддийского мировоззрения: стремление к смерти как к торжеству над жизнью. Для Соловьева “буддийское настроение” противоположно христианскому началу» [11, с. 389]. И действительно, сам философ подчеркнул условность данного им определения лирики Голенищева-Кутузова, указав на существенную разницу между буддизмом как религиозно-философским учением и «буддизмом» в его поэтическом воплощении: «По буддийскому учению о спасении, переход из ложной и злой жизни в покой небытия есть дело большое и трудное: нужно сперва достигнуть полной чистоты, искупивши не только грехи данного своего существования, но и всех бесчисленных предыдущих существований, – до конца исполнить закон нравственных причин и следствий (карма). Но наш поэт, разделяя общее отрицательное понятие буддизма о жизни, как зле и бедствии, и о вечном блаженстве, как прекращении жизни, свел почти на нет нравственные условия этого блаженства, играющие такую важную роль в подлинном буддизме» [12, с. 443]. При разборе сборника Голенищева-Кутузова Соловьев фокусируется, прежде всего, на вопросе о том, как в нем воплотилась идея бессмысленности жизни, по-видимому, эта интенция определяет оптику критика: он рассматривает, главным образом, наиболее пессимистичные произведения. Разочарованность, убежденность в отсутствии абсолютной истины философ обнаруживает на проблемно-тематическом уровне лироэпических произведений Голенищева-Кутузова. Носителями «отрицательного жизнепонимания» оказываются герои поэм «Старые речи», «Дед простил», «Рассвет», «В тумане», «Гашиш», а поэмы «Скука» и «Старики» рассматриваются как отражение «болезненно-желчного настроения автора» [12, с. 450]. Пессимистичное восприятие поэтом прогресса Соловьев прочел в поэтическом переложении фантастического рассказа А. Доде «Вудстаун», а скепсис по отношению к историческому процессу в целом – в поэме «Смерть Святополка». Преувеличение поэтом преступлений древнерусского князя вызывает у философа иронию, но рассматривается им как симптоматичный факт: «Любопытно не то, что автор произвольно и неудачно усугубил окаянство своего героя, а то, что он во всей истории заинтересовался только одним этим окаянным. Такой выбор мрачного злодея в качестве единственного исторического сюжета кажется мне не случайным: он находится в связи – вероятно, невольной и несознанной – с господствующим мирозерцанием нашего поэта и с его взглядом на историю. Признавая жизнь бессмыслицей, он в историческом движении человечества видит <...> какое-то злодеяние» [12, с. 452]. В лирике Голенищева-

Кутузова философ тоже обнаружил преобладание пессимистических мотивов, отражающих мировоззрение поэта: «<...> должен признаться, что и в мелких лирических стихотворениях его гораздо больше таких, которые подтверждают это мое суждение, т. е. выражают то самое буддийское настроение <...>» [12, с. 456]. К числу произведений, выражающих «безнадежное разочарование», Соловьев отнес следующие: «Поэту», «Какая ночь! Редуют облака...», «Обнимало душу вдохновенье...», «Зачем кипит в груди негодование...», «Глаз бессонных не смыкая...», «Дождь идет», «Встреча Нового года», «Родному лесу», «Свиданье со смертью».

Подводя итог, отметим, что понятие «пессимистическая поэзия» в статьях Соловьева о русской лирике имеет три главных аспекта. С одной стороны, рассуждая о пессимизме и разочаровании, философ пишет о мотивах отдельных стихотворений – окказиональных в лирике, в целом утверждающей бытие (такова лирика Пушкина). С другой стороны, «разочарованная поэзия» рассматривается им как воплощение пессимистического мироощущения поэта (таковым философу виделось творчество Боратынского и Лермонтова). И наконец третья перспектива этого понятия связана с негативным мировоззрением, которое Соловьев связывал с «буддизмом»: лирическим выражением пессимистического миропонимания в философ считал поэзию Голенищева-Кутузова. При этом, буддизм как таковой Соловьев считал необходимым историческим этапом. Философ писал о буддизме, что он «представляет тот момент исторического процесса, когда мировая душа, освободившись от связи с материальным проявлением божественного начала, сознавая свою свободу и безусловность, сознает свое тождество с божественным началом и соединяется с ним, но только как с началом без содержания, без положительной абсолютной идеи, которая, собственно, составляет божественное начало и истинное тождество с ним мировой души» [10, с. 89]. Подобно этому пессимистическую поэзию, выражающую «буддийское настроение», философ рассматривал как такой период в русской лирике, который преодолевается в исторической перспективе: «<...> разочарованная поэзия явилась недаром. Субъективная неудовлетворенность имеет огромное значение, как первый толчок к работе сознания и мышления. Кто доволен, тот не идет дальше; отрицательный момент необходим, ненормален и бессмысленен только остановка на нем» [12, с. 488]. Следовательно, анализ понятия «пессимистическая поэзия» в литературно-критических работах Соловьева позволяет увидеть их историко-литературное измерение: в поэзии такого рода философ видел определенный этап в процессе становления русской лирики.

Список литературы:

1. Авдейчик Л.Л. Рецепция лирики А. Фета в творчестве Вл. Соловьева [Текст]: / Авдейчик Л.Л. // Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»). Курск: Курский государственный университет. – 2020. – С. 6–14.
2. Асадулаева Г.Х. Особенности критического метода Владимира Соловьева [Текст]: / Г.Х. Асадулаева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2007. – № 6. – С. 30–37.
3. Бужор Е.С. Философско-антропологическая трактовка пушкинской концепции поэта у Владимира Соловьева [Текст]: / Е.С. Бужор // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 3 (107). – С. 67–73.
4. Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма [Текст]: / Бычков В.В. // История философии. – 1999. – № 4. – С. 3–43.
5. Иванова Е.В. Владимир Соловьев и формирование русской религиозно-философской эстетики [Текст]: / Е.В. Иванова // Соловьевские исследования. – 2006. – Вып. 1 (12). – С. 5–60.

6. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время [Текст]: / А.Ф. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2009. – 617 с.
7. Лысенко В.Г. Ранний буддизм: религия и философия. Учебное пособие. Институт философии, М., 2003. 246 с.
8. Мусаева Г.Х. Эстетические основы философско-литературной критики В.С. Соловьев [Текст]: / Г.Х. Мусаева // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. – Вып. 3. – С. 16–19.
9. Соловьев В.С. Пессимизм [Текст]: / В.С. Соловьев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII: Патенты на изобретения – Петропавловский. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона. 1898. – С. 425–427.
10. Соловьев Вл. С. Лекции по истории философии (Послесловие и публикация В. А. Смирнова) [Текст]: / В.С. Соловьев // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 76 – 138.
11. Соловьев В.С. Литературная критика [Текст]: / В.С. Соловьев. М.: Современник, 1990. – 422 с.
12. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. [Текст]: / В.С. Соловьев. М.: Искусство. 1991. – 701 с.
13. Чистякова О.А. Литературная критика Вл. Соловьева в журнале «Вестник Европы» на примере статьи «Поэзия Ф.И. Тютчева» [Текст]: / О.А. Чистякова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2007. – № 41. – С. 75–78.
14. Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие. [Текст]: / Н.Г. Юрина. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. – 280 с.
15. Smith O. Vladimir Soloviev and the spiritualization of matter / O. Smith. Boston, Academic Studies Press. 2011. – 325 p.

